

ПРИЧИНЫ ЭМИГРАЦИИ КОРЕЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В 60-70-е ГОДЫ XIX ВЕКА

© 2020 г. А.А. Комарова^а, В.П. Подольников^а

^а Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

THE REASONS FOR THE EMIGRATION OF THE KOREAN POPULATION TO THE FAR EAST IN THE 60-70s 19th CENTURY

A.A. Komarova^а, V.P. Podolnikov^а

^а Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Комарова Анастасия Александровна –
магистр, кафедра зарубежной истории
и международных отношений,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: nastya01996@mail.ru

Anastasia A. Komarova -
Master`s Degree, Department of Foreign History
and International Relations,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya, 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: nastya01996@mail.ru

Подольников Владимир Павлович –
кандидат исторических наук, доцент,
кафедра зарубежной истории
и международных отношений,
Институт истории и международных отношений,
Южный федеральный университет,
ул. Большая Садовая, 33, г. Ростов-на-Дону,
344082, Россия.
E-mail: podolnikov@list.ru

Vladimir P. Podolnikov -
Candidate of History, Associate Professor,
Department of Foreign History
and International Relations,
Institute of History and International Relations,
Southern Federal University,
Bolshaya Sadovaya, 33, Rostov-on-Don,
344082, Russia.
E-mail: podolnikov@list.ru

Рассматриваются причины эмиграции корейского населения на Дальний Восток во второй половине XIX в. С одной стороны, переселению корейцев способствовали внутренние проблемы Корейского полуострова, которые заключались как в тяжелом социально-экономическом положении корейских крестьян, так и в череде природных катаклизмов, заставивших голодать большинство населения. С другой стороны, миграционное законодательство Российской империи, направленное на скорейшее заселение вновь приобретенных территорий на Дальнем Востоке, подталкивало эмигрантов выбрать нашу страну своими многообещающими льготами и пустынными плодородными почвами.

Запрашиваются дипломатические отношения трех стран (России, Кореи и Китая), которые явились предпосылками первых корейских миграционных потоков на территории, принадлежавшие Российской империи. Подчеркиваются особые отношения Китая и Кореи, а также отмечаются основные приоритеты внешней политики Кореи того периода, выражающиеся в так называемой «закрытости» страны.

Анализируются причины экономических и последующих социальных проблем Кореи. Исследуются основные этапы присоединения к России территорий Дальнего Востока, а также отмечается отношение русских властей к корейским переселенцам. Делается вывод о большом количестве не связанных друг с другом факторов, которые привели к последующей миграции корейцев на Дальний Восток.

Ключевые слова: Дальний Восток, переселение, корейцы, договоры, Корейский полуостров, миграционное законодательство, мигранты, Китай.

The article considers two groups of reasons that contributed to the emigration of the Korean population to the Far East in the second half of the 19th century. On the one hand, the resettlement of Koreans was facilitated by the internal problems of the Korean Peninsula, which included both the difficult socio-economic situation of the Korean peasants and a series of natural disasters that caused the majority of the population starvation. On the other hand, the migration legislation of the Russian Empire, aimed at the quickest settlement of newly acquired territories in the Far East, encouraged emigrants to choose our country with the promising benefits and desert fertile soils. The work also touches on the diplomatic relations of three countries (Russia, Korea and China), which were the prerequisites for the first Korean migration

flows to territories belonging to the Russian Empire. The special relations of China and Korea are emphasized, as well as the main priorities of the foreign policy of Korea of that period, expressed in the so-called "closeness" of the country. The causes of economic and subsequent social problems of Korea are analyzed. The main stages of the annexation of the territories of the Far East to Russia are studied, and the attitude of the Russian authorities towards Korean immigrants is noted. It is concluded that there are a large number of unrelated factors that led to the subsequent migration of Koreans to the Far East.

Keywords: *Far East, resettlement, Koreans, treaties, Korean peninsula, migration legislation, migrants, China.*

Вопрос о миграции населения и ее последствиях для принимающих государств весьма актуален в современном мире. Россия, являясь многонациональной страной, на протяжении долгого периода времени оставалась открытой для иностранных граждан по ряду причин. Однако что именно заставляло абсолютно отличных по культуре, религии, традициям и менталитету жителей Корейского полуострова переселяться на территорию нашей страны, до сих пор недостаточно изучено.

Эмиграция корейцев на Дальний Восток привлекла внимание еще дореволюционных историков и путешественников фактически с момента возникновения этого феномена. Одной из первых стала работа Н. Пржевальского [1]. Несмотря на то что корейцам в ней посвящена только одна глава, автор подробно описал их быт, манеру одеваться, традиции и обычаи, а главное – затронул внутривосточные проблемы Кореи и предположил причины переселения их на территорию России. Не менее значимой являлась работа М.А. Поджио [2], в которой рассматриваются законодательство, отношение к западным странам, а также другие немаловажные детали из жизни простого народа Кореи второй половины XIX в.

В настоящее время интерес к данной проблеме еще более возрос. Крупнейшим специалистом по изучению корейской эмиграции был признан А.И. Петров [3]. В своих трудах он рассмотрел не только этапы переселения, но и культурную ассимиляцию, вклад корейской диаспоры в развитие экономики и сельского хозяйства в регионе и другие аспекты.

Цель данной статьи – выявление причин переселения корейского населения на русский Дальний Восток. Нами исследуются: экономическое и социальное положение народа Кореи во второй половине XIX в., межгосударственные российско-корейские отношения и миграционное законодательство Российской империи в этот период.

Именно в этот период в Корею начинаются самые неурожайные годы, и внутривосточные проблемы достигают своего пика. В такой

ситуации возникла волна первых переселений на территорию Дальнего Востока, которая являлась ближайшей и, по мнению корейских крестьян, наиболее пригодной для освоения.

Источниковую базу статьи составили законодательные акты и договоры, отчеты чиновников Приамурского края, письма и воспоминания путешественников, документы, содержащиеся в Сборнике договоров России с другими государствами [4] и в Полном собрании законов Российской империи [5]. Стоит выделить письма ревизора Пак Кюсу [6], которые дают нам наиболее полное понимание происходящего в корейских провинциях в годы, предшествующие началу эмиграции.

Переселение корейцев на территорию Дальнего Востока ведет отсчет со второй половины XIX в. Но в исторической науке до сих пор существуют спорные мнения о точной дате его начала. Хотя все источники свидетельствуют о том, что миграция отмечалась еще до заключения первого дипломатического соглашения между Россией и Кореей, т. е. до 25 июня 1884 г. [3, с. 68]. Каковы же были ее причины? На наш взгляд, во-первых, тяжелое социально-экономическое положение корейских крестьян и, во-вторых, внутренняя миграционная политика Российского государства на Дальнем Востоке.

Почему корейские крестьяне выбрали Российскую империю как оптимальную во всех условиях страну для переселения?

Королевский ревизор Пак Кюсу в своем письме старшему брату и докладе королю Чхольчжону описывает весьма бедственное положение корейских крестьян весной – летом 1862 г.: «...Разве могут быть спокойны крестьяне, если их поля всего лишь крохотные клочки земли, а тело едва прикрыто жалкими лохмотьями?» [6, с. 654]. Далее он говорит, что в таких условиях по всей провинции Кёнсандо, при которой он был ревизором, происходят народные волнения. Эти беспорядки дошли до поджога домов и убийств чиновников, что было несвойственно для народа и еще раз подчеркивало всю напряженность ситуации. В своем докладе королю Пак Кюсу описывает реальное положение

следующим образом: «...Народ ободрали как липку, и трудно понять, как можно прожить в этих условиях хоть один день. Главной причиной [сложившегося положения] является система “хвангок”. ...Страдания и нищета от всяких бед и [недостатков] приходится только на долю нашего народа!» [6, с. 654–655]. Следовательно, положение народа с каждым днем становилось все невыносимее, это подтверждает и донесение французского миссионера в Корею М. Пуртье. Он подробно перечисляет все бесчинства властей, которые облагают народ непосильными налогами и покупают свои места у вышестоящих лиц за счет получения взяток. В ответ среди корейских крестьян происходят волнения и бунты, народ всячески старается унижить чиновников и даже убивает их [6, с. 655–658].

Ответом на вопрос, что именно стало самой главной проблемой, вызвавшей такую бурную реакцию корейских крестьян, является крах системы «хвангок», которая подразумевала выдачу «ссудного зерна» в неурожайные годы. Зерно выдавалось весной с условием его последующего возврата государству осенью или в урожайный год, а само «возвратное зерно» называлось «хвангок», о котором и писал королевский ревизор. Однако уже к середине XIX в. количество выдаваемого земледельцам зерна было сокращено в 5 раз, а вот сам «хвангок», напротив, постоянно увеличивался из-за накапливавшихся процентов. Бунты были обусловлены недовольством крестьян постоянным ростом «возвратного зерна», так как в начале правления династии Ли никаких процентов не было [7, с. 293]. Развал данной системы стал причиной голода, который уже через полтора-два года после описываемых ревизором событий привел к первым миграциям корейцев в Российскую империю.

В России в это время уже отсутствовала феодальная система эксплуатации и управления, которая на родине корейцев доводила крестьян до нищеты вне зависимости от количества выполняемых ими работ [8, с. 44], что сыграло немаловажную роль в пользу выбора переселения.

Другим фактором, стимулирующим эмиграцию, стали плохие климатические условия на корейском полуострове в период 1860–1870-х гг. Постоянные засухи, периодически сменяющиеся наводнениями, привели к катастрофическим последствиям. Уровень жизни корейских крестьян стремительно падал [8, с. 42], что сопровождалось голодом и смертью простого населения.

Резкий упадок рисового производства сократил на одну треть заработную плату рабочих в провинции Кёнсан. Ухудшение питания привело к повышению уровня смертности. По всей стране происходило разрушение гидромелиоративных сооружений, отрицательно повлиявшее на сельскохозяйственную деятельность. Рост численности населения до 17–18 млн человек увеличил большой спрос на топливные ресурсы, что вылилось в бесконтрольную вырубку лесов. Сокращение количества торговых рынков также свидетельствует об экономическом упадке в стране. Последовавший за этим рост инфляции в государстве заставил голодать большинство крестьянского населения, так как с 1855 г. цены на рис ежегодно повышались на 3–4 % [9, с. 174–175].

В таких условиях народу ничего не оставалось, как уходить в горы и бродяжничать в поисках пропитания, либо покидать свое государство под страхом смертной казни. По законам Кореи самовольный переход за границу, а также отношения с иностранцами карались смертью [2, с. 90]. В том, что они соблюдались, нет никаких сомнений. По данным корейского историка Чин Ён Цоя, в июне 1864 г. в провинции Хамген два человека (один из них являлся чиновником) «были обезглавлены на берегу Тумэни в знак предупреждения против аналогичных нарушений закона. Это был первый из многих таких случаев» [Цит. по: 10, с. 20]. Даже в России было известно, на какие меры идет корейское правительство в борьбе с попытками местного населения хоть как-то взаимодействовать с русскими. Так, в отечественном журнале тех лет рассказывалось, что начальник города Кыген-Пу «приказал уничтожить все лодки, находящиеся в городе, для того, чтобы никто из корейцев не мог переезжать на левую сторону реки, где стоит наш пограничный пост» [Цит. по: 11, с. 359]. Такие меры осуществлялись для ограничения контрабандной торговли, которая в некоторой степени облегчала жизнь бедствующему населению. Все это еще раз показывает тяжелое положение корейцев во второй половине XIX в.

Препятствия для миграции корейцев на русскую территорию чинили и китайские власти. По сведениям командира Владивостокского поста лейтенанта Е.С. Бурачека, еще в 1862 г. несколько корейских семей хотели переселиться в наши земли, однако боялись, что русские солдаты станут отнимать их жен. Такие слухи специально распускались китайскими чиновниками,

так как они теряли несколько лань серебра из-за каждой семьи [12, с. 195]. Объяснялось это тем, что Корея на протяжении практически всей своей истории являлась вассалом Китая, который теперь опасался российского влияния на свою соседку. Уже позднее, когда первая миграционная волна достигла своего пика, ближе к началу 70-х гг., корейцы достаточно часто пересекали именно китайскую границу, что обернулось для них печальными последствиями. Китайские солдаты не просто останавливали корейцев на границе, но и всячески старались на этом нажиться: грабили, отбирали одежду, деньги, скот и женщин [13, с. 25]. Однако даже такое жестокое обращение несколько не останавливало все прибывающий поток переселенцев.

Здесь же стоит сказать, что некоторые корейцы считали свой переход в соседнее государство неким началом новой жизни, возможностью «начать заново» [14, р. 261]. Они «верили в справедливость и могущество белого царя, видели в нем спасителя корейцев от всех бед и избавителя от дикого страшного произвола деспотичных и алчных правителей» [Цит. по: 15, с. 65]. Старший чиновник по особым поручениям при Приамурском генерал-губернаторе Н.А. Насекин называет одной из причин переселения «твердое убеждение корейцев, что в России они получают полноправность, которой были лишены в Корее до того, что никто не располагал не только своей собственностью, но и жизнью» [16, с. 6]. Следовательно, эмигранты не только надеялись получить защиту в другом государстве, но и пересекали границу по идеологическим соображениям.

Наш соотечественник Н.М. Пржевальский еще одной причиной миграции корейцев на русские территории называет перенаселение Корейского полуострова. Однако, с точки зрения современных исследователей, это утверждение довольно спорное. Более приемлемо его мнение о том, что именно близость русских территорий, а также их плодородные, нетронутые почвы привлекали корейцев [1, с. 106].

Говоря о близости территории, стоит упомянуть, что Россия не всегда имела общую границу с Кореей. Именно в XIX в. происходят важные внешнеполитические изменения в отношениях России и Китая, которые приводят к появлению новых границ между тремя государствами (Россией, Китаем и Кореей). Они были обусловлены сложной геополитической ситуацией цинского Китая, из-за которой Китай искал

дружественной поддержки со стороны Российской империи. Остановимся на трех основных договорах, закрепивших вхождение в состав Российского государства Дальнего Востока. Первым из них являлся Айгунский договор (от 16/28 мая 1858 г.), по которому левый берег Амура (от р. Аргуни до морского устья Амура) стал принадлежать Российской империи, правый берег (вниз по течению) оставался за Китаем, остальные земли (от Уссури до моря) теперь были в общем владении [4, с. 47]. Следующим стал Тяньцзиньский договор (Трактат между Россией и Китаем об определении взаимных отношений от 1/13 июня 1858 г.). В ст. 9 данного документа сообщалось, что неопределенные части границ между Китаем и Россией будут в ближайшее время исследованы доверенными лицами и по окончании работ дополнительная статья войдет в настоящий трактат. Составленные карты и описания будут служить новыми документами о границах [4, с. 53]. Пекинский договор (от 2/14 ноября 1860 г.) завершал деятельность по установлению новых границ между Китаем и Россией. Именно после его заключения у России появилась общая граница с Кореей. В первой же статье этого договора говорится, что здесь будут уточнения и пояснения к двум предыдущим договорам. Теперь граница между государствами проходила таким образом: левый берег Амура, как и ранее, по Айгунскому договору, принадлежал России, а правый – Китаю. Затем появляется новая пограничная черта по рекам Сунгач и Бэлэн-хэ, а далее по горам до реки Ту-мынь-дзян [4, с. 74–75], или по-корейски Тумэни, через которую позднее переправлялись корейские эмигранты в Россию. Таким образом, после заключения данных договоров Россия и Корея получили общую границу протяженностью всего лишь 16 км [14, р. 261].

Несмотря на особое внимание корейского правительства к своим северным рубежам, информация о подписании договора о новых границах не была своевременно сообщена королевскому двору. Таким образом, правительство Кореи являлось некоторое время неосведомленным о своей новой границе с Россией. Здесь снова сыграл зловещую шутку фактор пренебрежительного отношения Китая к Корее, считавшейся зависевшей от него территорией [17, с. 61]. Возможно, именно поэтому Чин Ён Цой говорит об отсталой системе обороны, выражающейся в охране своих границ, как еще об одной из причин бегства корейцев за пределы своей страны [3, с. 61].

Со стороны Российской империи реакция властей была незамедлительной. Для охраны новых территорий после подписания договора сюда было выслано Амурское казачье войско и армейские подразделения. Вдоль границы установлены посты, однако контролировать все приграничные территории эти подразделения не могли, что обеспечивало свободный переход границы иностранцам из соседних государств [3, с. 49].

Вторая причина, способствующая переселению корейского населения на Дальний Восток, заключалась в самом миграционном законодательстве Российской империи. Его формирование ко второй половине XIX в. показывало желание русских властей привлечь иностранцев для освоения новых территорий, а сами иностранцы с удовольствием пользовались всеми привилегиями, созданными для этой цели русскими властями.

Обратимся к одному из основных документов, который регламентировал и поощрял миграцию иностранного населения на Дальний Восток. Таковым являлись «Правила для поселения русских и иностранцев в Амурской и Приморской областях Восточной Сибири». В них указывалось, что селиться в этих областях имеют право все желающие, как русские, так и иностранцы, однако только за свой счет, без денежного пособия из казны. На этой территории они могли приобретать участки земли, либо быть приписанными к городам. Участки земли выдавались или во временное владение, или в полную собственность. Кроме этого существовали особые льготы для переселенцев в виде освобождения от рекрутской повинности в течение 10 наборов, а также навсегда от подушных податей. Только через 20 лет после заселения вместо подушной вводилась поземельная подать за пользование землей [5, с. 682–684]. Наличие этих льгот показывает, насколько сильным было желание русского правительства заселить и освоить приобретенные земли Дальнего Востока. С другой стороны, эти правила объясняют, как выгодно было для корейского населения переходить именно на русские территории, учитывая, что на их родине в этот период налоги были непосильными.

В своем отчете по командировке, чиновник особых поручений Переселенческого управления А.А. Риттих открыто говорит о том, что в 60–70-х гг. XIX в. прибывавшие в Россию корейцы рассматривались царскими властями как

элемент желательный, поскольку «военные посты требовали подвоза провианта и военных припасов, а также содержания в исправности дорог, что было немыслимо при отсутствии населения» [18, с. 29–30]. Его дальнейшее высказывание о содействии русской администрации корейским переселенцам полностью совпадает с написанным в «Правилах для поселения...», в которых говорилось, что корейцам разрешалось селиться, где они считали выгодным, и даже предусматривалось обеспечение пропитанием на первое время. Именно по этим причинам, по мнению А.А. Риттиха, уже к началу 70-х гг. в Посыетском участке появились 9 корейских деревень [18, с. 29–30].

Итак, переселение корейцев на Дальний Восток было обусловлено целым рядом факторов, существующих независимо друг от друга. России был выгоден приток населения на новые еще неосвоенные территории, а корейским крестьянам были необходимы условия для выживания, поэтому страна, относимая ими к Западу, как нельзя лучше подошла для эмиграции.

Литература

1. *Пржевальский Н.* Путешествие в Уссурийском крае, 1867–1869 гг. СПб. : Типография Н. Неклюдова, 1870. 297 с.
2. *Поджио М.А.* Очерки Кореи / сост. по запискам М.А. Поджио с приложением карты полуострова Кореи. СПб. : Типография Е. Евдокимова, 1892. 225 с.
3. *Петров А.И.* Корейская диаспора на Дальнем Востоке России. 60–90-е годы XIX века. Владивосток : ДВО РАН, 2000. 304 с.
4. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1952. 470 с.
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. СПб. : Тип. 2-го отделения Собств. Е.И.В. канцелярии, 1863. Т. XXXVI.
6. Хрестоматия по Новой истории : в 3 т. / под ред. А.А. Губера, А.В. Ефимова. М. : Мысль, 1965. Т. 2. 783 с.
7. *Курбанов С.О.* Курс лекций по истории Кореи: с древности до конца XX в. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2002. 626 с.
8. *Хан В.С., Сим Хон Ёнг.* Корейцы Центральной Азии: прошлое и настоящее. М. : МБА, 2014. 256 с.
9. *Бон Су Чжон.* Миграция корейцев в Российскую империю во второй половине XIX в. и ее социально-экономические предпосылки // Власть. 2011. № 12. С. 173–176.

10. Пак В. Переселение корейцев на Дальний Восток России. 1860–1880 годы. Владивосток : Валентин, 2013. 200 с.

11. Шкунов В.Н. Торговые связи Российской империи и Кореи в XVIII–XIX вв. // Изв. Самарского научного центра РАН. 2015. Т. 17, № 3 (2). С. 358–363.

12. Бурачек Е.С., Бурачек В.В. Воспоминания заамурского моряка. До и после Владивостока. Владивосток : Общество изучения Амурского края, 1999. 244 с.

13. Пак Б.Д. Корейцы в Российской империи. Иркутск : Иркутский гос. пед. ин-т, 1994. 238 с.

14. Kim G., King R. The Northern region of Korea as Portrayed in Russian Sources, 1860s – 1913 // The Northern region of Korea: History, Identity, and Culture. Cambridge, Massachusetts: Center for Korea Studies Publications, 2010. P. 254–294.

15. Петров А.И., Чжан Чжон Рён. Корейцы-иммигранты на Дальнем Востоке России 1860–1890 гг. // Россия и АТР. 2001. № 1. С. 65–70.

16. Насекин Н.А. Корейцы Приамурского края: Краткий исторический очерк переселения корейцев в Южно-Уссурийский край // Журнал Министерства народного просвещения. 1904. № 3, ч. ССCLII, отд. 2. С. 1–61.

17. Вradiй С.Ю. «Карта России (Агук Ёджидо)» – первое корейское описание Приморья // Вестн. С.-Петерб. ун-та. 2012. № 1. С. 58–68.

18. Риттих А.А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае : отчет по командировке чиновника особых поручений Переселенческого Управления А.А. Риттиха. СПб. : Типография МВД, 1899. 158 с.

References

1. Przhevalsky N. (1870). *Traveling in the Ussuri territory, 1867-1869*. Saint Petersburg, N. Neklyudov Publ., 297 p. (in Russian).

2. Podzhio M.A. (1892). *Essays in Korea*. Comp. according to the notes of M.A. Podzhio with the application of the map of the peninsula of Korea. Saint Petersburg, E. Evdokimov Publ., 225 p. (in Russian).

3. Petrov A.I. (2000). *Korean diaspora in the Russian Far East. 60-90s of the 19th century*. Vladivostok, Far Eastern Branch Press, Russian Academy of Sciences, 304 p. (in Russian).

4. *Collection of treaties of Russia with other states. 1856-1917*. (1952). Moscow, State Publishing House of Political Literature, 470 p. (in Russian).

5. *Complete collection of laws of the Russian Empire*. (1863). 2nd col. Saint Petersburg, 2nd Dpt. H.M. Chancellery Publ., vol. XXXVI. (in Russian).

6. *A chrestomathy on the new history*: in 3 vol. A.A. Huber, A.V. Efimova (Ed.). Moscow, Mysl' Publ., 1965, vol. 2, 783 p. (in Russian).

7. Kurbanov S.O. (2002). *Lecture course on the history of Korea: from antiquity to the end of the 20th century*. Saint Petersburg, St. Petersburg University Press, 626 p. (in Russian).

8. Khan V.S., Sim Hong Young. (2014). *Koreans of Central Asia: past and present*. Moscow, MBA Press, 256 p. (in Russian).

9. Bon Su-Jeong. (2011). Migration of Koreans to the Russian Empire in the second half of the 19th century and its socio-economic background. *Vlast'*, No. 12, pp. 173–176. (in Russian).

10. Pak V. (2013). *The resettlement of Koreans in the Far East of Russia. 1860-1880*. Vladivostok, Valentine Publ., 200 p. (in Russian).

11. Shkunov V.N. (2015). Trade relations of the Russian Empire and Korea in the 18th - 19th century. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra RAN*, vol. 17, No. 3 (2), pp. 358–363. (in Russian).

12. Burachek E.S., Burachek V.V. (1999). *Memoirs of the Zaamur seaman. Before and after Vladivostok*. Vladivostok, Society for the Study of the Amur Region Press, 243 p. (in Russian).

13. Pak B.D. (1994). *Koreans in the Russian Empire*. Irkutsk, Irkutsk State Pedagogical Institute Press, 238 p. (in Russian).

14. Kim G., King R. (2010). The Northern region of Korea as Portrayed in Russian Sources, 1860s - 1913. *The Northern region of Korea: History, Identity, and Culture*. Cambridge, Massachusetts, Center for Korea Studies Press, pp. 254–294.

15. Petrov A.I., Zhang Jeong Ryon. (2001). Immigrant Koreans in the Russian Far East 1860-1890. *Rossiya i ATR*, No. 1, pp. 65–70. (in Russian).

16. Nasekin N.A. (1904). Koreans of the Amur Territory: A Brief History of the Relocation of Koreans to the South Ussuri Territory. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*, No. 3, ch. CCCII, dep. 2, pp. 1–61. (in Russian).

17. Vradiy S.Yu. (2012). “Map of Russia (Aguk Yoghzhido)” - the first Korean description of Primorye. *Vestn. S.-Peterb. un-ta*, No. 1, pp. 58–68. (in Russian).

18. Rittikh A.A. (1899). *Resettlement and Peasant Affairs in the South Ussuri Territory*. Report on the Business Trip of the Special Assignments Officer A.A. Rittikh. Saint Petersburg, Ministry of Internal Affairs Press, 158 p. (in Russian).